

Дмитрий Цыкалов

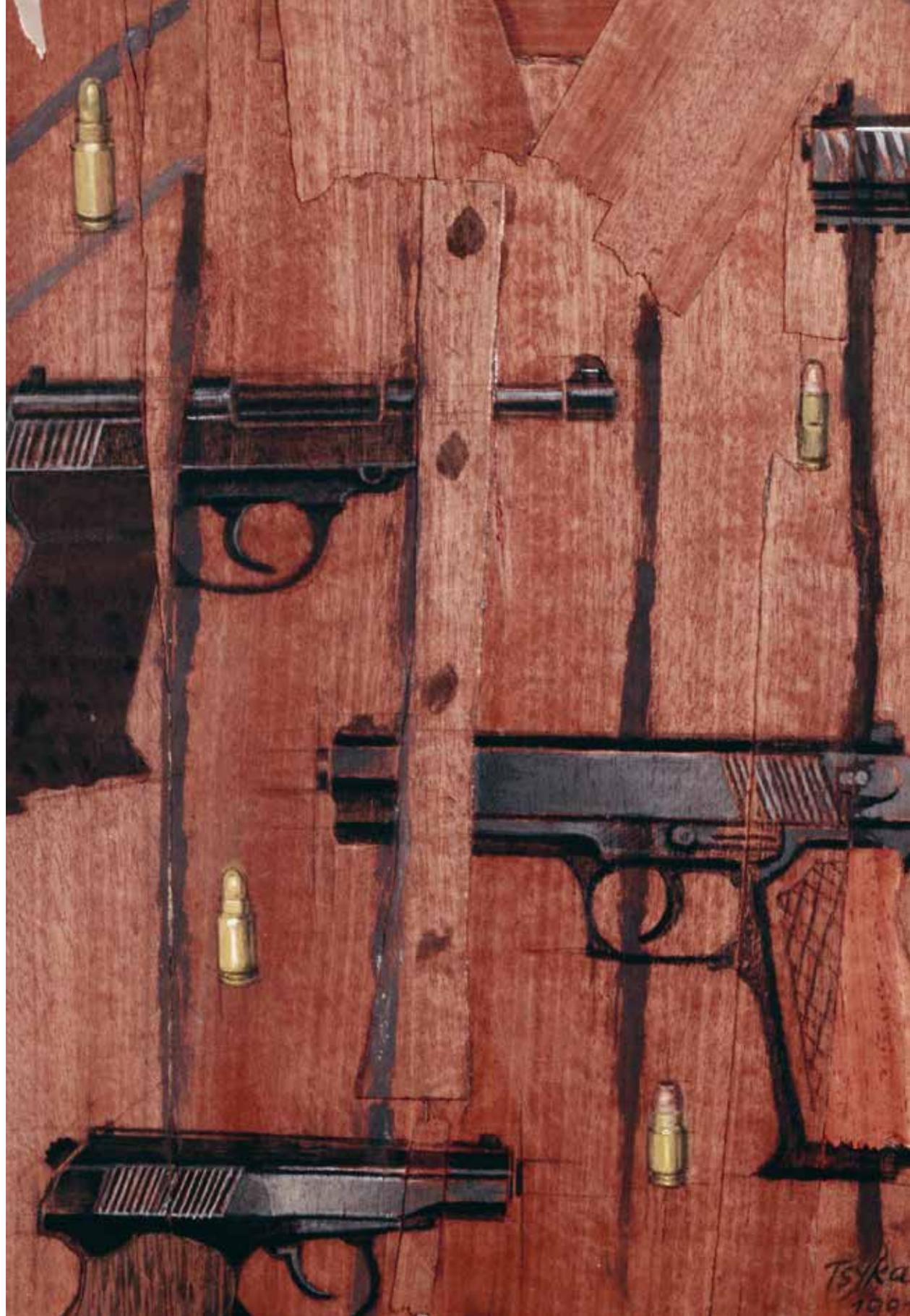
Dimitri Tsykalov

Dimitri Tsykalov

Дмитрий Цыкалов

Dimitri Tsykalov

Dimitri Tsykalov

Tsyka
100

Dimitri Tsykalov

BRAVE WOODEN WORLD

t^g

Москва | 2018

Дмитрий Цыкалов

О ДИВНЫЙ ДЕРЕВЯННЫЙ МИР

t^g

Москва | 2018

ПИСЬМЕНА ТИГРА*

Да умрет вместе со мной тайна, запечатленная на шкурах тигров.

Хорхе Луис Борхес. Письмена Бога

На протяжении многих лет я наблюдал мастерскую Дмитрия Цыкалова в различных состояниях. Да и самого художника мне приходилось видеть в разных состояниях одержимости, которая, при всем многообразии, представляет собой уникальное явление. Когда я заходил к нему в последний раз, его рабочее место напоминало оружейный склад, заваленный до потолка штабелями ящиков с боеприпасами. Тогда я отметил, что в современных войнах, где доминирует металл, дереву остается быть или упаковкой для снарядов, или материалом для гробов. Сразу вспоминаются образы солдат, захватывающих населенные пункты, их устрашающие шеренги проходят мимо коробок с амуницией и только что сколоченных гробов. И среди них всегда найдется какой-нибудь суеверный хвостун, который крикнет гробовщику: «Сохрани для меня самый красивый!»

На разноцветных ящиках, собранных со всего мира — в Германии, Франции, Англии, России, Америке, Китае и других странах — на всех алфавитах обозначены калибры, тротильные смеси, химический состав взрывчатки. Дмитрий Цыкалов «разделяет» эти ящики и собирает вновь, создавая впечатляющие охотничьи трофеи. Его проект называется «Шкура». Медведи, львы, пантеры и тигры... Есть даже зебра, но в основном — плотоядные хищники. Бойня, вот чем бредит Дмитрий Цыкалов еще со времен «Мяса», его знаменитой фотографической серии, где связанные мужчины и женщины в униформе держали оружие из кусков кровоточащей плоти. Изучая бойню можно узнать, что она — будь то война или охота — говорит о моменте времени, когда человек после долгого воздержания идет убивать, чтобы насытиться или просто развлечься. Эта одержимость придает скульптурам Цыкалова тревожное, волнующее звучание. На первый взгляд они кажутся простым оммажем скульптурным коллажам Швитттера, ссылками на известный репертуар из мозаики дадаистских форм по типу «Мерцбау». Но вскоре становится очевидно, что сам их статус «произведения искусства» является лишь приманкой. Рисунки на шкурах, конечно — реалистическая дань останкам настоящих животных, но вместе с тем и камуфляж художественного объекта.

«Тигр, о тигр, светло горящий...» — у Блейка тигр символизирует гибельный огонь. У Честертона более ангельский образ, тигр — «олицетворение ужасающей элегантности». А может быть, Цыкалова вдохновил немецкий «Тигр», с которым сражался Марсель Бизьен, командир 2-й бронетанковой дивизии? Бизьен встретился с «Тигром» во время одной из боевых операций в Париже 25 августа 1944 года. О его гибели напоминает мраморная табличка, самая последняя из тех десяти, которые украшают стену Сада Тюильри, на углу улицы Риволи и площади Согласия. Несколько солдат, бойцов сопротивления и одна медсестра погибли здесь в тот же день. «Героически» — выбито на каждой из них. Это слово нанесено на таблички, видимо, для того, чтобы извиниться за их лаконичный вид.

Но почему Марсель Бизьен погиб не просто «героически», как все остальные, а именно встретившись с немецким «Тигром»? Присутствие здесь машины — не тривиальность. «Тигр» представлял собой реальную опасность со стороны нацистов сразу после высадки союзников в Европе, и с этой угрозой им пришлось встречаться каждый день вплоть до падения Берлина. Первые немецкие разработки непобедимого танка начались в 1937 году.

Производство запустили в 1942 году. Это будет «Тигр IV», 57-тонный зверь — хищник, не имеющий конкурентов. В отличие от средних танков, «Тигр» не входил в состав дивизии и сражался отдельно от армейского корпуса. Он демонстрировал ту самую «ужасающую элегантность», в которой Честертон угадал главный признак семейства тигров. И если существует обязательная эмблема дендизма, то это, конечно, тигр Делакруа — столь же могучий, сколь одинокий. И особенно тот, каллиграфической масти, с черным на желтом, который, кажется, умеет разговаривать на неведомом нам языке.

Что прочитал, тем временем, Марсель Бизьен на камуфлированной броне «Тигра», с которым он столкнулся в летний день, и что должно было предотвратить дальнейшие события, в том числе его собственную смерть? Мог ли он угадать свою судьбу, расшифровать ее непостижимые пути? У тигров бывает разный окрас, и он зависит от конкретного индивида, будь то шкура представителя семейства кошачьих или сталь броневика. Для танков 1939–1941 годов была характерна однотонная темно-серая расцветка, в 1942 ее сменила бежевая в полоску, и в 1943 — двухцветный волнообразный узор. Сложный трехцветный камуфляж появился в 1944 — бежевый, темно-коричневый, оливково-зеленый. Градиентная окраска уступила ясным и четким линиям. Именно такой танк должен был задавить Марселя

Бизьена, когда он пытался прочесть знаки и разгадать имя-анаморфоз в узорах немецкого тигра. Он должен был увидеть этот внезапно прояснившийся текст перед тем как умереть, познать это имя как огонь «ужасающей эlegantности».

Я думаю, Дмитрий Цыкалов ставит перед собой те же вопросы, когда собирает свои военно-охотничьи трофеи. Словно предсказатель, гадающий перед битвой первому консулу по шкурам мертвых животных и внутренностям освежеванного медведя. Признаюсь, наконец, что каждая из снятых шкур является паразитическим автопортретом. Автопортретом человека на войне, обязательно и неизбежно жившего с первого вдоха только войной, только под игм оружием. Как не вспомнить здесь знаменитые строки Малапарте, из которых возникло название его романа «Шкура»: «В 1941, на Украине, в Ямполье, что на Днестре, мне случилось видеть в дорожной пыли, прямо посреди деревни, коврик из человеческой шкуры. То был человек, тоже раздавленный танком. Лицо приняло квадратную форму, грудь и живот расплющились в виде ромба. Ноги раздались вширь, руки немного отделились от туловища, и руки и ноги стали похожи на штанины и рукава выстиранной одежды. То был мертвый человек, нечто большее или меньшее, чем мертвая собака или мертвая кошка. И сейчас я не мог бы сказать, чего в том мертвом человеке было больше или меньше, чем в мертвой кошке или собаке». И крестьянин подхватил тонкую пленку этой кожи лопатой и понес ее на кладбище. «Как зная он нес человеческую шкуру на кончике лопаты. Она и впрямь колыхалась и билась на ветру, как настоящий штандарт» (Курцио Малапарте. Шкура. Пер. Г. Федоров).

Я верю в одержимость, верю в порабощающий характер идей, которые нас осаждают, но я не сужу о достоинстве произведений по силе их спекулятивного воздействия, блокирующего душу. Именно потому, что я всегда видел, что Дмитрий Цыкалов никогда не обманывал себя и никогда не обманывал нас, мы были увлечены его последовательностью, шли по следам его битв. Если пойти по этим следам дальше, можно добраться до Александра Великого — с тем, чтобы, возможно, понять его идеи с большей ясностью. Может показаться немного неуместным видеть в сыне Филиппа II больше зоолога, чем полководца. Тем не менее это правда, Александр решил завоевать мир не из-за нереализованных амбиций отца, а скорее под интеллектуальным и научным влиянием Аристотеля. Именно он убеждал завоевателей обходиться с варварами в той же манере, что с животными или растениями. Александр отказался так поступать, однако значим сам характер его первоначальной идеи.

Вот почему его захватническая война нередко сопровождалась исследованиями в области зоологии, ботаники и климатологии. И если Аристотель не участвовал в походах Александра, то его племянник, Каллисфен, человек другого научного склада, отчасти компенсировал отсутствие учителя. Двусмысленность здесь в том, что в большинстве случаев солдат полностью растворялся в исследователе. Об этом свидетельствует знаменитый и огромный труд Каллисфена, адресованный Аристотелю, в котором он стремится, сколь объективно, столь и страстно, синтезировать научные открытия, сделанные во время индийского похода. Война, ужасы сражений и внимание к историческим фактам стираются — и остается лишь естественная история (*theōgia phusikōn*), теория происхождения видов, отменяющая веру в рок и предназначение, при помощи которой иногда оценивают исключительную личность Александра. Плиний был тем, кто написал портрет воина-натуралиста, бросившего вызов этой *terra incognita*, потому как жаждал завоеваний в той же степени, что и открытый.

Александр умолял жителей вновь завоеванных областей сообщать ему об интересных явлениях, происходящих в их странах, и описывать самые необычные артефакты и феномены. Но эта фантастическая жажда не могла быть удовлетворена лишь баснями и легендами, только точное знание, основанное на фактах и опыте, способно было утолить его страсть.

Вместе с Александром Великим, как и в случае с Эрнстом Юнгером, нужно осмелиться перестать смотреть на войну как на основное занятие, дающее возможность при случае отдаваться второстепенным пристрастиям — от спорта до дендизма, от вкуса к путешествиям до любви к оружию, науке и литературе. Напротив, нужно использовать войну как предлог, как средство достижения не военных, а естественнонаучных целей. Отойти от Истории как череды войн — не в этом ли главный вектор Истории как таковой? Выйти из Истории так, чтобы участвовать в создании иной истории, истории природы — вот о чем, на мой взгляд, постоянно и необычайно убедительно говорит нам Дмитрий Цыкалов в своем творчестве. К этому же призывают нас и «Шкуры», как призывало нас безжалостное тщеславие «Мяса»: приблизить дух войны, иными словами — пробудить животное начало внутри каждого из нас.

Жан-Ив Жуанне

THE WRITING OF THE TIGER*

By Jean-Yves Jouannais

May the mystery lettered on the tigers die with me.

The Writing of the God by Jorge Luis Borges

I have been observing Dimitri Tsykalov's studio over many years and in many states. I have also been able to see the artist himself in different states of obsession, which is, even in its diversity, a singular phenomenon. At the time of my most recent visit, his working space looked like an armory with stacks of munition crates rising to the ceiling. Dominated by metal, modern warfare, I noted, leaves no place for wood except to make gear containers or caskets. Images of soldiers immediately spring to mind, taking over towns and cities, marching in sinister lines, passing by munition boxes and freshly minted caskets. Then there certainly happens to be one indispensable superstitious grandstander who shouts to the undertaker: "Save the prettiest one for me!"

The boxes that come in various colors and from all over the world—Germany, France, England, Russia, the U.S., China, etc.—have markings of calibers, TNT grades, chemical makeups of explosives in different alphabets. Dimitri Tsykalov "carves up" the crates and puts them back together into stunning hunting trophies. This project is called *Skins*. Bears, lions, panthers and tigers... Even a zebra, but mostly carnivorous predators. Slaughter is Tsykalov's long-standing obsession since his renowned photography series *Meat* where tied-up men and women in uniforms are portrayed holding weapons made of raw flesh. A study of slaughter, be it war or hunting, gives an insight into the moment, following a prolonged abstention, when a man goes out to kill in order to procure food or just for fun. This obsessive passion instills anxious and disquieting undertones into Tsykalov's sculptures. They first seem to be a mere homage to sculptural collages by Schwitters, referencing his well-known mosaic repertoire of dadaist Merzbau forms. However, it soon becomes obvious that their status as "art" is just bait. The drawings on the skins are naturally a realistic tribute to the remains of real animals, but they also function as camouflage for the art object.

Blake's "Tiger, tiger, burning bright..." symbolizes deadly fire. To Chesterton's eyes, the tiger exudes "an awful elegance." Or maybe the inspiration was the German Tiger

tank that was destroyed by commander Marcel Bizien. Bizien faced his Tiger during one of military operations, on August 25, 1944. His death is commemorated with a plaque, the last of the ten plaques on the wall of the Jardin des Tuileries on the corner of Rue de Rivoli and the Place de la Concorde. A few resistance soldiers and a field nurse died on that spot on that very same day. The word "héroïquement" or "heroically" is embossed on each plaque. It was included, apparently, as an apology for the plain design of the plaques.

But why then did Marcel Bizien perish not only "heroically"—just like the rest—but also having taken on a German Tiger? Inclusion of this technicality is not without meaning. The Tiger posed a real threat immediately after the D-Day landings, the threat that the Allies had to face every day until the capitulation of Nazi Germany. The Germans began developing the unbeatable tank in 1937.

It went into production in 1942 to become Tiger IV—a 57-ton beast and an unrivalled predator. Unlike medium tanks, Tigers were not part of a tank unit and engaged in combat separately. The machine possessed that "awful elegance" aptly marked as the key attribute of tigers by Chesterton. Should there be an emblem of dandyism, this would inevitably be the tiger by Delacroix—just as powerful as it is lonely. Especially that tiger of calligraphic variety, black on yellow, that seems to speak a language that is foreign to us.

Meanwhile, what did Marcel Bizien see on the camouflaged armor of the Tiger he ran into on that summer day; what processes could prevent the chain of events that followed, including his death? Could he foresee his doom, decipher its mysterious ways? Tigers have different, individual patterns on their skins (both feline furs and steel armor). In 1939–1941, Tiger tanks were painted in uniform dark gray; in 1942 in striped beige; in 1943 in two-color wavelike patterns. A more complex three-color camouflage was introduced in 1944, comprised of beige, dark brown and olive green. Sharp and clear lines replaced gradients. This was the look of the tank that would crush Marcel Bizien as he was trying to read off the signs and see the anamorphic name in the tank's patterned skin. He must have glimpsed a sudden emergence of the text just before he perished, experienced the name like the burning flame of the "awful elegance."

I think, Dimitri Tsykalov contemplates these same questions as he is collecting his military hunting trophies. Like an extispex who is trying to predict the outcome of an upcoming battle for the First Consul using animal hides and entrails of a skinned bear. I also have

to admit that each of the pelts is an incredible self-portrait. A self-portrait of a person at war, someone who has been inevitably and unavoidably living the war since his first breath, exclusively commanded by guns. You can't but recall the famous quote by Malaparte that provided the title for his *The Skin*: "In July, 1941, I had seen a carpet of human skin lying in the dust of the street right in the center of Yampli, a village on the Dniester, in the Ukraine. It was a man who had been crushed by the caterpillars of a tank. The face had assumed a square shape, and the chest and stomach were splayed out at the sides in the form of a diamond. The outspread legs and the arms, which were a little apart from the torso, were like the trousers and sleeves of a newly-pressed suit, stretched out on the ironing-board. It was a dead man—something more, or something less, than a dead dog or cat. I cannot say now in what respect that dead man was more, or less, than a dead dog or cat." A peasant lifted the thin veil of that skin onto a spade to carry it to the cemetery, "...and on the end of his spade, like a flag, he carried that human skin, which flapped and fluttered in the wind exactly as a flag does" (from *The Skin* by C. Malaparte).

I believe in obsessions, believe in the subjugating force of the ideas that besiege us, but I do not judge the merits of art by the power of its speculative impact that blocks the soul. That is why I have always seen that Dimitri Tsykalov never deceived himself or us, his audience, enthralled by his consistency as we follow in the wake of his battles. If you follow further down these tracks, you can arrive at Alexander the Great and potentially comprehend his ideas with better clarity. It might appear odd to see the son of Philip II as more of a zoologist than a military leader. And yet it is true. Alexander set out to conquer the world driven by intellectual and scientific influence of Aristotle rather than the unrealized ambitions of his father. Aristotle was professing an attitude to the barbarians similar to animals or plants. Alexander rejected this approach, but here the character of the original idea is crucial.

It informed the invasive war that followed and was often accompanied by research in zoology, botany and climate science. Although Aristotle did not participate in the military campaigns, his nephew Callisthenes, who had a different take of science, compensated for the absence of the teacher. The ambiguity of his involvement stems from the domination of his role as a researcher over his role as a soldier. This is corroborated by the famous huge manuscript that he addressed to Aristotle. Callisthenes was trying, objectively and passionately in equal measure, to generalize the discoveries made during the campaign. The war, the horrors of the battlegrounds, the attention to historical facts are all washed out and what remains is natural history, or *theōria phusikōn*, a theory

of the origin of species that shuns fate and predestination, which is sometimes used to evaluate the exceptional personality that was Alexander. A portrait of a natural scientist-warrior was devised by Pliny the Elder as he described someone who challenged the terra incognita seeking conquest as much as discovery.

Alexander pled with the locals in the newly conquered areas to communicate to him any interesting phenomena and describe the most curious artefacts and occurrences. This immense craving could not be satiated by tales and legends alone though; only precise knowledge based in fact and experience could indulge his passion truly.

Together with Alexander the Great, or as it is also the case with Ernst Jünger, one needs to cease looking at war as the primary endeavor that provides an opportunity for a side-passion only on occasion: from sports to dandyism, from love of travel to fascination with arms, science and literature. Conversely, war should be employed as a catalyst and means to pursue research undertakings and not military ends. Going beyond History as a succession of wars—is not that the major thrust of History itself? Take a step back from History to partake in creating a different history, a natural history—this is, I believe, the enduring and remarkably convincing artistic message of Dimitri Tsykalov. The same message is conveyed in *Skins*, same as it was in the ruthless vanity of *Meat*: to conjure the spirit of war, or, in other words, to evoke the animal nature dormant in each of us.

*Abridged version. Courtesy Marina Gisich Gallery.

Шкура VIII
2017
Дерево, оружейные ящики
286 × 182 × 20 см

Skin VIII
2017
Wood, ammunition boxes
286 × 182 × 20 cm

Шкура XIX
2017
Дерево, оружейные ящики
248 × 233 × 65 см

Skin XIX
2017
Wood, ammunition boxes
248 × 233 × 65 cm

Трофей XI
2018
Дерево, оружейные ящики
153 × 65 × 61 см

Trophy XI
2018
Wood, ammunition boxes
153 × 65 × 61 cm

Галстук в полоску
1990
Дерево, темпера
106 × 53 × 4,5 см

Striped Necktie
1990
Tempera on wood
106 × 53 × 4.5 cm

Зеленая сумка
1991
Дерево, темпера
27,5 × 31 × 11 см

Green Bag
1991
Tempera on wood
27.5 × 31 × 11 cm

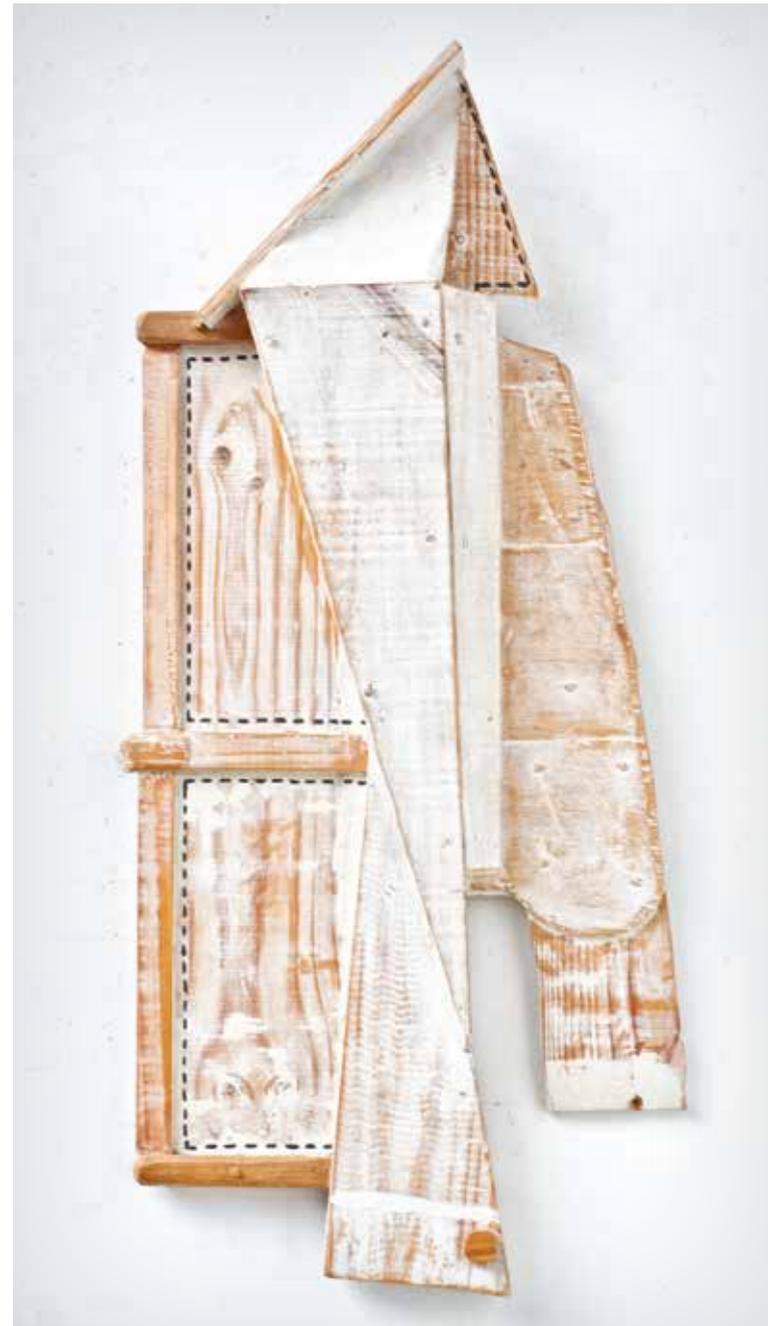
Зеленое пальто с меховым воротником
1989
Дерево, темпера
149 × 57 × 18 см

Green Coat with a Fur Collar
1989
Tempera on wood
149 × 57 × 18 cm

Рубашка на ковре
1989
Дерево, темпера
174 × 48 × 10 см

Shirt on the Carpet
1989
Tempera on wood
174 × 48 × 10 cm

Белая куртка
1993
Дерево, темпера
83 × 37 × 18,5 см

White Jacket
1993
Tempera on wood
83 × 37 × 18.5 cm

Щетка и нитки
1990
Дерево, темпера
7,5 × 25 × 6 см

Brush and Threads
1990
Tempera on wood
7.5 × 25 × 6 cm

Банный комплект
1987
Дерево, темпера
125 × 34 × 20 см

Sauna Kit
1987
Tempera on wood
125 × 34 × 20 cm

Пирамида III. Куртка, плащ и кофта
1989
Дерево, темпера
47 × 47 × 22 см

Pyramid III. Jacket, Cloak and Blouse
1989
Tempera on wood
47 × 47 × 22 cm

Костюм и галстуки
1989
Дерево, темпера
103 × 52 × 13 см

Suit and Ties
1989
Tempera on wood
103 × 52 × 13 cm

Рубашка 22
1990
Дерево, темпера
50 × 34 см

Shirt 22
1990
Tempera on wood
50 × 34 cm

Галстук
1998
Дерево
56 × 14 × 1,5 см

Necktie
1998
Wood
56 × 14 × 1.5 cm

Галстук I
1999
Дерево, темпера
59,5 × 16 см

Necktie I
1999
Tempera on wood
59.5 × 16 cm

Рубашка 21
1994
Дерево, темпера
40 × 33 см

Shirt 21
1994
Tempera on wood
40 × 33 cm

Домашняя аптечка
1990
Дерево, темпера
26 × 9 × 8 см

Home First Aid Kit
1990
Tempera on wood
26 × 9 × 8 см

Утренние радости
1990
Дерево, темпера
100 × 28 × 5 см

Morning Happiness
1990
Tempera on wood
100 × 28 × 5 см

Натюрморт в ванне
1990
Дерево, темпера
42 × 15,8 × 7,3 см

Bathroom Still Life
1990
Tempera on wood
42 × 15.8 × 7.3 cm

Пирамида IV. Куртка, плащ и кофта
1990
Дерево, темпера
51 × 47 × 35 см

Pyramid IV. Jacket, Cloak and Blouse
1990
Tempera on wood
51 × 47 × 35 cm

Пирамида III. Куртка, плащ и кофта
1989
Дерево, темпера
45 × 43 × 45 см

Pyramid III. Jacket, Cloak and Blouse
1989
Tempera on wood
45 × 43 × 45 cm

Специально для мужчины
2002
Дерево, темпера
33,5 × 15,2 × 5 см

Especially for Man
2002
Tempera on wood
33.5 × 15.2 × 5 cm

Пирамида III. Куртка, плащ и кофта
 1989
 Дерево, темпера
 44 × 43 × 66 см

Pyramid III. Jacket, Cloak and Blouse
 1989
 Tempera on wood
 44 × 43 × 66 cm

Пирамида V
 1991
 Дерево, темпера
 47 × 47 × 37 см

Pyramid V
 1991
 Tempera on wood
 47 × 47 × 37 cm

Рубашка 4
1994
Дерево, темпера
37 × 36 см

Shirt 4
1994
Tempera on wood
37 × 36 cm

Рубашка 5
1994
Дерево, темпера
40 × 36 см

Shirt 5
1994
Tempera on wood
40 × 36 cm

Пирамида V
1991
Дерево, темпера
48 × 44 × 37 см

Pyramid V
1991
Tempera on wood
48 × 44 × 37 cm

Пирамида VI
1991
Дерево, темпера
42 × 59 × 34 см

Pyramid VI
1991
Tempera on wood
42 × 59 × 34 cm

Рубашка 1
1991
Темпера и черный мел на дереве
51 × 33 см

Shirt 1
1991
Tempera and black chalk on wood
51 × 33 cm

Рубашка 52
2017
Маркетри, черный мел и темпера на дереве
48 × 35 см

Shirt 52
2017
Marquetry, black chalk and tempera on wood
48 × 35 cm

Саквояж I
1991
Дерево, темпера
13 × 29 × 21 см

Сарпетбаг I
1991
Темпера on wood
13 × 29 × 21 см

Купальник I
2002
Дерево, темпера
74 × 34 см

Swimsuit I
2002
Темпера on wood
74 × 34 см

Дмитрий Цыкалов (1963, Москва) окончил факультет графики Московского полиграфического института. С 1980-х годов работает с деревом и создает крупные скульптурные объекты. Для серии «Шкуры» в качестве материала использует ящики из-под оружия и боеприпасов. В серии «Ланжери» он воссоздает из тонких листов древесины нижнее белье и рассматривает его как «инструмент пытки плоти, предмет одновременно сакральный и проклятый». Персональные выставки Цыкалова проходили во Франции (2015, «Шкура»; 2010, *Garden Rolls*; 2009, «Деньги» и другие), Ирландии (2005, «Национальное здоровье»; 2003, «Сарай») и Германии (1990). Участник многочисленных групповых выставок во Франции, Бельгии, Ирландии и Германии. Первая персональная выставка в России под названием «О дивный деревянный мир» состоялась в Marina Gisich Gallery в 2017 году. Обладатель наград *In-situ* (2007, Франция), программы поддержки художников (2003, Ирландия). Работы хранятся в коллекциях Фонда Raja (Франция), Ирландского музея современного искусства, Европейского дома фотографии (Франция). С 1991 года живет и работает в Париже.

Dimitri Tsykalov (born 1963, Moscow) graduated from the Fine Arts Department of Polygraphic Institute of Moscow. The artist works with wood and large sculpture since the 1980s. Uses munition crates as the medium for his *Skins* series. In his *Lingerie* series the artist uses slim timber sheets to create underwear that is seen as “an instrument of torture, an object both sacred and damned.” He had personal shows in France (*Skin*, 2015, *Garden Rolls*, 2010, *Money*, 2009, etc.), Ireland (*National Health*, 2005, *Shed*, 2003) and Germany (1990). Tsykalov also participated in numerous group shows in France, Belgium, Ireland and Germany. His first personal exhibition in Russia, *Brave Wooden World*, took place at Marina Gisich Gallery in 2017. Received the *In Situ* award (France, 2007) and the Artist’s Work Programme award (Ireland, 2003). Represented in the collections of the Foundation Raja (France), Irish Museum of Modern Art, Maison Européenne de la Photographie (France). He lives and works in Paris since 1991.

Издание каталога приурочено к выставке
ДМИТРИЯ ЦЫКАЛОВА
«О ДИВНЫЙ ДЕРЕВЯННЫЙ МИР»
9 — 26 ноября, 2018

t⁹
triumph gallery

ГАЛЕРЕЯ ТРИУМФ

Емельян Захаров, Рафаэль Филинов, Дмитрий Ханкин, Вера Крючкова, Ольга Ковачева, Марина Бобылева, Михаил Марткович, Кристина Романова, Григорий Мелекестев, Валентина Хераскова, Алексей Шервашидзе, Владимир Чуранов, София Ковалева, Софья Симакова, Константин Алявдин, Наиль Фархатдинов, Никита Семенов, Анастасия Лебедева, Полина Могилина, Александра Высоцкая, Андрей Сурич, Иван Долгов, Яна Ланде

MARINA GISICH GALLERY

Марина Гисич, Ольга Профатило, Галина Леонтьева, Мария Гаврилчик

MARINA GISICH GALLERY

ТЕКСТ

Жан-Ив Жуанне

ПЕРЕВОД

Федор Махлаюк
Александр Бурячко

РЕДАКТОР

Наиль Фархатдинов

КОРРЕКТОР

Александр Образумов

ДИЗАЙН, ВЕРСТКА И ПОДГОТОВКА К ПЕЧАТИ

Яна Ланде

Тираж 500 экз. Отпечатано в типографии «Сити Принт»

ISBN 978-5-6041668-4-0

Все права защищены. Предоставленные материалы и их фрагменты не подлежат воспроизведению, тиражированию, любого вида распространению, размещению в интернете без письменного согласия правообладателя и издателя данного каталога

- © Галерея «Триумф», 2018
- © Marina Gisich Gallery, 2018
- © Жан-Ив Жуанне, 2018 (текст)
- © Дмитрий Цыкалов, 1987–2018
- © Яна Ланде, 2018 (дизайн)

18+

109012 Москва, Ильинка, 3/8, стр. 5 | +7 495 162 0893 | www.triumph.gallery
f @ triumphgallery | #TriumphGallery | info@triumph-gallery.ru

Не для продажи

Edited on the occasion of exhibition
DIMITRI TSYKALOV
“BRAVE WOODEN WORLD”
November 9—26, 2018

t⁹
triumph gallery

TRIUMPH GALLERY

Emeliyan Zakharov, Rafael Filinov, Dmitry Khanin, Vera Kryuchkova, Marina Bobyleva, Mikhail Martkovich, Kristina Romanova, Grigory Melekestev, Valentina Kheraskova, Alexey Shervashidze, Vladimir Churanov, Sofiya Kovaleva, Sofia Simakova, Konstantin Alyavdin, Nail Farkhatdinov, Nikita Semenov, Anastasia Lebedeva, Polina Mogilina, Olga Kovacheva, Alexandra Vysotskaya, Andrey Surich, Ivan Dolgov, Yana Lande

MARINA GISICH GALLERY

Marina Gisich, Olga Profatilo, Galina Leontieva, Maria Gavrilchik

MARINA GISICH GALLERY

TEXT

Jean-Yves Jouannais

TRANSLATION

Fedor Makhlayuk
Alexander Buryachko

EDITOR

Nail Farkhatdinov

TECHNICAL EDITOR

Alexander Obrazumov

DESIGN, LAYOUT & PREPRESS

Yana Lande

Edition 500. Printed at City Print, Moscow

ISBN 978-5-6041668-4-0

All rights reserved. No part of this publication may be reproduced, stored in any retrieval system or transmitted in any form or by any means, electrical or otherwise without first seeking the written permission of the copyright holders & publisher

- © Triumph Gallery, 2018
- © Marina Gisich Gallery, 2018
- © Jean-Yves Jouannais, 2018 (текст)
- © Dimitri Tsykalov, 1987–2018
- © Yana Lande, design, 2018

18+

3/8 Ilyinka Street, building 5, 109012 Moscow | +7 495 162 0893 | www.triumph.gallery
f @ triumphgallery | #TriumphGallery | info@triumph-gallery.ru

Not for sale

NORD

SMALL ARMS AMMUNITION

762 ПЗгс
880 INT

HIGH EXPLOSIVE

2 ROUNDS 105 MM HOW WITH FUZE S-0-0052

105 MM HOW
11-04 LBS
1 LB 50 FT
UNARMED

2 ROUNDS COMPLETE SHELL
M5000

105 MM HOW

INVT '53

762 ПЗгс
880 INT

MADE IN RUSSIA

762 ПЗгс
880 INT

ПО4-79-17
BT 76/79 C

Гранатный
762 ПЗгс
880 INT

20 GRENADES 1.5 CB
58-A C X - 88

CHITUNG

MINIM